

• КНИГА НЕДЕЛИ

Известия - 2000 - 6 июня - с. 10

Перевирая наши даты

К 80-летию Давида Самойлова издательство «Вагриус» выпустило однотомник его автобиографической прозы

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Название рецензии отсылает отнюдь не к однотомнику, названному строкой из самойловского стихотворения «Перебирая наши даты»; речь о другом.

Давид Самойлов — странный классик странных 1970-х. Записи и дневники, составившие основу только что вышедшей книги (тексты подготовила вдова поэта Галина Медведева, сдержанно прокомментировал их Г. Евграфов), в основном и посвящены сладковатому безвременью. Сквозную тему их можно сформулировать словами еще одного классика той поры, Владимира Соколова: «О рассказах о том, что происходит, / Когда не происходит ничего».

Выйди эта книга года два-три назад, была бы она обречена на всеобщее равнодушие; теперь ее прочтут — в этом нет никаких сомнений. Диковинным образом устроена наша историческая память: то общество начинает мучительно вспоминать время большого террора, то вдруг переключается на оттепельные 60-е. Не менее прихотливо действуют и механизмы общественного полубытия. Говорили-говорили о начале века — и вдруг как отрезало; обсуждали-обсуждали Октябрь с Февралем — и неожиданно отключились от этой темы, обесточили ее.

Нечто подобное произошло и с 1970-ми, со славной эпохой позолоченного застоя, медленного осеннего осыпания Империи. Попробуйте перелистать журналы, заново просмотреть кинодокументалистику перестроечных и

последперестроечных лет: закономерность обнаружится сама собою. Одна за другой следуют публикации и фильмы о «России, которую мы потеряли», параллельно с ними идут дневники и записки шестидесятников об их славной молодости (Владимир Лакшин, Игорь Дедков), — но едва дело доходит до середины 70-х, как следует хронологический обрыв. Слово после публикации «Архипелага ГУЛаг» и отъезда Бродского историческое время позднесоветской культуры остановилось, чтобы внезапно возобновиться в 1987 году.

И вот намечился очередной хронологический сдвиг. Шестидесятые медленно сползают в историческую тень; семидесятые из тени — выдвигаются. Все это очень похоже на движение театрального подиума: скрипит движок, актеры, только что находившиеся в лучах прожектора, вмес-

те со всей обстановкой отыгранной сцены, прощально помахивая зрителям, уползают за кулисы, — а из-за кулис выплывают участники следующего эпизода. Трифонов и Вампилов, Самойлов и ранняя Петрушевская становятся все актуальнее, а роман «Дети Арбата» кажется далеким-далеким, как будто взяли да и перевернули литературный бинокль.

Глупо обращаться к запискам Самойлова в поисках глубоких мыслей; они интересны не результатом, а процессом, не выводом, а наблюдением; они фиксируют внутренний путь типичного человека 70-х — драматический опыт освоения консервативных ценностей либералом шестидесятнической выделки. То, что нам кажется банальным и даже смешным, то, что воспринято нами как данность (что можно быть в равной степени демократом и отечестволюбом, что спор между западниками и почвенниками давным-давно оспорен...), они выстрадавали с болью.

Еще раз: я толкую не о «гамбургском счете», я говорю о социальной оптике; не о том, кто лучше, кто хуже, а о том, кто ближе, кто дальше. Записки внутреннего эмигранта Самойлова (а его опыт «отъезда без отъезда» в Эстонию, в пярнуский дом, будет когда-нибудь описан в учебниках по новейшей истории) — ближе сейчас, чем свидетельства молодых революционеров хрущевской поры.

А почему самосознание человека эпохи застоя вновь обрело актуальность?

Боюсь, лучше этот вопрос оставить без ответа.